

Научная статья

УДК 930.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.32>

Отражение исторической наукой ценностных основ государственности советского периода середины 1950–1960-х годов

Светлана Станиславовна Шалаева¹, Елена Алексеевна Колоярцева²

¹Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова, Саратов, Россия, clar13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7351-8551>

²Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, ElenaK-22@mail.ru

Аннотация. Историческая мысль всегда выступала инструментом массового сознания, которое сохраняло единство страны. В данной статье представлен краткий анализ проблем концептуализации исторической науки, имевших место в период середины 1950–1960-х годов в контексте некоторой либерализации устоявшегося строя жизни советского общества. Новые веяния в стране после XX съезда КПСС позитивно были встречены историческим сообществом. В науку вошло молодое поколение историков-«шестидесятников», которые олицетворяли так называемое «новое направление» и считали источниковедение основой исторических исследований. Но с середины 1960-х годов вновь происходит ужесточение цензуры, ограничивается доступ историков к источникам отечественной и зарубежной информации. Отмечено, что в этих условиях развитие науки все же продолжалось, а противостояние истории и политики в стране объясняется стремлением правительства к сохранению единства социума, недопущения вольнодумства, расшатывающего устои государственности, что и сегодня остается актуальным для российского общества.

Ключевые слова: государственность, риски глобализации, историческая мысль, историческая наука, политико-идеологическая реальность, оценки и интерпретация прошлого, исторические знания

Для цитирования: Шалаева С.С., Колоярцева Е.А. Отражение исторической наукой ценностных основ государственности советского периода середины 1950–1960-х годов // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 187–192. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.32>.

Original article

Historical Scholarship's Reflection of the Value Bases of Soviet Statehood in the Mid-1950–1960s

Svetlana S. Shalaeva¹, Elena A. Koloyartseva²

¹Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia, clar13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7351-8551>

²Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ElenaK-22@mail.ru

Abstract. Historical thought has always been an instrument of mass consciousness, which preserved the unity of the country. A brief analysis of the problems of conceptualization of historical scholarship that took place in the mid-1950–1960s in the context of some liberalization of the established order of Soviet society is presented in this article. New trends in the country after the XX Congress of the CPSU were positively received by the historical community. A young generation of “sixties” historians, who embodied the so-called “new direction” and regarded source studies as the basis of historical research, entered science. But since the mid-60s, censorship has been tightening again and historians’ access to sources of domestic and foreign information has been restricted. It was noted that in these conditions the development of science nevertheless continued, and the confrontation between history and politics in the country is explained by the government’s desire to preserve the unity of society, to prevent freethinking, shaking the foundations of statehood, which remains relevant for Russian society today.

Keywords: statehood, risks of globalization, historical thought, historical science, political and ideological reality, assessments and interpretation of the past, historical knowledge

For citation: Shalaeva, S.S. & Koloyartseva, E.A. (2022) Historical Scholarship's Reflection of the Value Bases of Soviet Statehood in the Mid-1950–1960s. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 187–192. Available from: doi:10.24158/fik.2022.6.32 (In Russian).

В современном глобальном мире «без границ» актуальным становится осмысление перспектив сохранения территорий национальных государств. С позиций глобализационных структур суверенное государство рассматривается как историческое излишество. Однако ещё не появилось глобальное социальное общество, аналогичное политической организации той или иной

нации. Государства по-прежнему не утратили регулятивных инструментов, мотивирующих консолидацию народов, проживающих в их территориальном пространстве. Не менее важной выступает задача укрепления ценностных основ государственности для нашей страны с её континентальными масштабами и полиэтническим, поликонфессиональным составом населения, так как любое ослабление её единства и территориальной целостности может вести к негативным последствиям, усугубляемым глобальными рисками.

Во все времена мощным инструментом формирования в массовом сознании мысли о необходимости сохранения национальной и государственной общности страны вступала отечественная историческая наука. Именно история, «поколений связующая нить», выполняла формирующую функцию, обеспечивающую сохранение страны, её самоидентификацию в мире. История и на современном этапе остается орудием идейной борьбы различных политических сил, имеющих неоднозначное отношение к оценкам прошлого. «Проблематика взаимоотношения исторической науки с политико-идеологической реальностью сохраняет актуальность и ныне. В современной историографии осознается неустрашимость» идеологизированного воздействия на исторические представления (Шалаева, Волкова, 2015: 197). По-прежнему затруднения в области методологии истории вызывает проблема познающего субъекта, детерминированность горизонта его видения былой реальности определенными установками, концепциями современного ему времени.

Учитывая, что история, прежде всего, полезна своими уроками, в данной работе поставлена цель проанализировать процесс развития исторической науки в середине 1950–1960-х гг. В данный период в исследованиях историков появились новые концептуальные подходы к интерпретации событий прошлого, которые могли вести к размыванию базовых основ историко-культурной памяти, деформации ментальности населения этого времени. В связи с этим представляет интерес, как в условиях некоторой либерализации политического режима осуществлялись процессы переосмысления устоявшейся к этому времени модели систематизации накопленных исторических знаний.

Новую страницу в жизни общества открыл прошедший в феврале 1956 года XX съезд партии, начавший процесс преодоления деформации «ленинских норм» в деятельности партийных и государственных органов, сложившейся традиции миропонимания в контексте только сталинских представлений. На съезде с критических позиций оценивался «Краткий курс» истории партии, определявший прежде всю направленность деятельности по исследованию исторических событий как в ретроспективе, так и в текущей реальности.

В стране набирал обороты процесс реабилитации репрессированных людей, формировалось представление о том, что осуждению граждане подвергались без веских на то причин. Эти тенденции оказывали влияние на умонастроения творческих работников. В литературу и публицистику проникали сюжеты и персонажи, игнорируемые исторической наукой. Все эти процессы не могли не находить отклик в среде ученых, которых не менее напрягало двоемыслие в жизни и науке, конформизм как стиль существования (Кожурин, 1998: 156).

Ускорению процесса десталинизации массового сознания во многом способствовал доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании съезда «О культе личности и его последствиях», в котором подвергалась осуждению репрессивная практика сталинского режима, деятельность самого И.В. Сталина, приведшая к попустительству беззакония в стране. В докладе подчеркивалось, что культ личности не свойственен марксизму-ленинизму, и умалчивалось о том, что он был одним из побочных следствий сформировавшейся в стране политической системы. Эвфемизм «культ личности» позволил поколению соратников И.В. Сталина, пришедшему к власти, устанавливать границы практике разоблачения преступлений режима. В зоне умолчания оставались многие события, порождённые большевизмом, что было неизбежно при существующем в то время раскладе сил в партийном руководстве (Шейнис, 2006). После съезда сообщённая его делегатам информация стала достоянием всей страны, а сам доклад Н.С. Хрущева – крупнейшим событием в её социально-политической жизни.

Вместе с тем развенчание культа личности И.В. Сталина в сознании людей, воспитывавшихся в духе беспредельной ему преданности, привело к серьёзным последствиям в социуме, к десакрализации авторитетов, к «расколдованию» коммунистической риторики. И хотя Н.С. Хрущев считал, что достижение идеалов коммунизма будет обеспечено уже при жизни поколения его современников, существенно ослабла уверенность людей в том, что это реально осуществимо. Вместе с тем концептосфера советского коммунизма обеспечивала легитимность социального порядка и обесценивала значение грандиозных планов переустройства страны (Батыгин, Рассохина, 2002: 61).

Новые веяния позитивно воспринимались в среде профессиональных историков. За годы идеологического прессинга большинство из них не утратило навыков научного анализа первоисточников. Учёные получили доступ к архивам, широко публиковались документальные материалы, мемуарная литература.

Однако дух уходящей эпохи не исчез, политическая система страны сохранила запас прочности, продолжала регулировать процесс пробуждения общества от монополии единомыслия. Особое внимание по-прежнему уделялось идеологическому контролю освещения истории. Руководством страны поддерживались процессы возрождения творческого духа в среде профессиональных историков, однако наряду с этим осуждалась «излишняя самостоятельность» в поиске новых подходов в изучении истории. Те историки, которые в понимании прошлых событий, выходили за пределы, дозволенные властью, несли суровые наказания.

В 1956–1957 гг. объектом нападок со стороны руководящих сил стал единственный в то время общесоюзный исторический журнал «Вопросы истории», во главе которого стояли академик А.М. Панкратова и Э.Н. Бурджалов. В издании, не посягавшем на идеологические устои, разворачивались дискуссии, освещались исторические факты, которые подвергались фальсификации в сталинское время. Однако не слишком привычная в ту пору линия журнала на открытость и остроту выступлений его авторов, встретила неприятие у высокопоставленных противников обновления. Руководителей издания подвергали жёстким проработкам за отступление от принципа партийности исторической науки, за стремление в очернительском плане пересмотреть отечественную историю. «Кампания критики позиции журнала велась под флагом защиты марксистско-ленинской методологии и неприятия “объективистского подхода”» (Пыжиков, 2002: 226, 227). В марте 1957 г. ЦК КПСС было принято постановление «О журнале “Вопросы истории”», в котором обосновывалась значимость соблюдения историками марксистской направленности исторических исследований. Главному редактору А.М. Панкратовой было указано на серьезные недостатки в руководстве журналом, её заместитель Э.Н. Бурджалов был снят с работы. Не выдержав прессинга острой критики, уже тяжелобольная, А.М. Панкратова умерла.

Однако после XX съезда сохранить привычный status quo в исторической науке становилось сложнее. В пространство советской исторической науки входило молодое поколение историков-«шестидесятников», с профессиональной деятельностью которых связывается появление «нового направления», обеспечившего существенное укрепление методологии исторического источниковедения как исходной основы исторических исследований, препятствующей искажению прошлого. На необходимость укрепления этого направления, в том числе источниковедения как основы советской документалистики, неоднократно указывал академик М. Тихомиров.

Заметную роль в реанимации значимости источниковедения сыграл Институт истории АН СССР, руководил которым А.Л. Сидоров, придерживавшийся в прошлом ортодоксальных взглядов. Но именно вокруг него образовалась группа молодых исследователей (К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер), придававших в своей работе большое внимание изучению и анализу исторических первоисточников. Важность методологии исторических исследований признавались и другими молодыми учеными – В.П. Даниловым, Н.А. Ивницким, М.А. Вылцаном, И.Е. Зелениным, внесшими большой вклад в становление аграрной истории.

Стремление исследователей нового толка вернуть в науку поиск достоверных исторических знаний в ходе более глубокого изучения первоисточников, их сопоставления не было должным образом оценено. Перемены в области познания прошлого не оказались устойчивыми. С начала 1960-х годов, импульсы, приданные развитию исторической науки процессом её десталинизации стали затухать (Сидорова, 2001: 196). На очередном XXI съезде партии тема культа личности уже отсутствовала (Пыжиков, 2003: 54). В период подготовки к 20-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне начался новый этап переоценки деятельности И.В. Сталина. В стране вновь реанимировалась память о нем как о великом военачальнике, обусловившая укрепление очередного идеологического диктата в области познания прошлого. Возвеличение личности И.В. Сталина, особенно в контексте военной истории, в очередной раз служило упрочению позиций новой руководящей элиты, пришедшей к власти в стране после отставки Н.С. Хрущева.

Начатый в период «оттепели» процесс либерализации общественно-политической жизни в стране усиливал опасность радикализации перемен, которые в условиях отсутствия реальных возможностей для их реализации могли привести к негативным последствиям – разрушению гарантируемого государством социального порядка. Достижение стабильности общества новые руководящие силы связывали с переходом к умеренно-консервативному курсу в политике и идеологии. В стране вновь ужесточалась цензура. Как и прежде, для исследователей был ограничен доступ к источникам отечественной и зарубежной информации. В сфере идеологии сохранялись

пределы, за которые выходить не допускалось. В целях политической целесообразности использовалась манипуляция историей (Каменский, 2006: 22). В таких условиях профессиональным историкам было сложно обеспечивать объективный прогресс в исследовании прошлого, так как это требовало проявления несогласия с политикой партии.

Вместе с тем и в среде историков были те, кто стремился выйти из границ насаждаемых сверху идеологических схем, но это крайне негативно отражалось на их дальнейшей судьбе. К примеру, жёсткому преследованию подвергся историк В.М. Алексеев, исключенный из партии за сочувствие мятежным венграм, выступавшим против насаждения в их стране советских порядков. Учёному долгие годы пришлось работать «в стол» (Стыкалин, 1998: 173).

Важным событием в жизни сообщества историков Академии наук были выборы «демократического парткома» Института истории, в который не вошли представители институтской администрации. Избранные в руководящий орган института молодые ученые В.П. Данилов, К.Н. Тарновский и их единомышленники отстаивали необходимость пересмотра многих исследовательских схем, стоявших в исторической науке. Упоминание учёными института фигур умолчания – Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина – в руководящих кругах было воспринято в качестве реабилитации оппортунистских уклонов. В 1967 г. работу парткома института проверила комиссия Московского горкома партии, которая в итоговой справке критической оценке подвергла научную деятельность Е.Г. Плимака, М.Я. Гефтера и др.

Учёные института по-новому подходили к интерпретации многих сюжетов отечественной истории: признавали высокую степень развития капиталистических отношений в стране дореволюционного времени, не исключали возможность создания единого блока демократических сил в борьбе с самодержавием, проявляли интерес к дореволюционной исторической мысли, отстаивали правомочность существования концепции цикличности истории, а не только линейного прогрессизма, поднимали проблему цены революции. Все эти новые концепции нашли отражение в вышедшей в свет в 1969 г. книге «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (Данилова, 2007: 47). Однако этот труд со стороны властных структур был предан осуждению.

Стагнация интеллектуальной мысли в стране, противоречивость движения к социальному прогрессу – всё это, отражаясь в общественном сознании, способствовало зарождению в СССР диссидентского движения, сторонники которого придерживались неофициальных взглядов либерального толка. Движение объединяло небольшие группы преимущественно столичной интеллигенции, проявляющей неприязненное отношение к официальной идеологии. В это время были заложены основы «самиздата» – машинописных текстов, распространяющихся нелегально, в которых резкой критике подвергались существующие в стране порядки (Савельев, 1998; Козлов, 2003).

Особенно усилилась борьба с инакомыслием после чехословацких событий 1968 года. В стране заглушались зарубежные радиостанции, передающие идеологически неустойчивую для советских людей информацию (Смыкалин, 2011). За политическую неблагонадёжность оппозиционно настроенная часть интеллигенции стала вытесняться за границу, однако идеи, отстаиваемые диссидентами, создавали социально-политические предпосылки для грядущих перемен.

По мере всё более заметного разрыва между идеалами коммунизма и реальным положением дел в стране влияние официальной идеологии ослабевало как внутри страны, так и за её пределами. Желание руководства государства сохранить статус-кво социалистической системы приводило к усилению идеологического нажима, ужесточению цензуры.

Вместе с тем даже в пространстве коммунистической риторики, остающейся лексической формой научных исследований, многим ученым удавалось развивать новые подходы к познанию истории. Выполняя установку власти на обеспечение идейного противодействия буржуазным фальсификациям советского пути развития, учёные имели возможность глубже знакомиться с сущностью некоторых западных научных концепций (Hofstadter, 1992: 64; Шлезингер, 1992). Обновлялся словарный запас обществоведческих наук, появлялась возможность развивать идеи, выходящие за рамки официального идеологического канона (Зудин, 1999: 64). Крупные успехи были достигнуты в области развития методологии исторических исследований, методики анализа источников (Мельников, 1997: 106).

«В современной отечественной историографии признается, что к вытеснению интеллектуальной истории в советский период привела идеологизированность исторических исследований» (Шалаева, Волкова, 2015: 199). Однако следует подчеркнуть, что конфронтация исторической науки и политики имеет давнюю историю. И исследуемый период мало чем отличался от предшествующих, являясь не лучшим, но и не худшим в отечественной истории. В любой стране правительство в стремлении обеспечивать социальный порядок, стабильное развитие общества, прибегает к различным формам воздействия на население, поддерживает то, что укрепляет позиции государственности, пресекает то, что угрожает обществу дестабилизацией. Любой поли-

тический режим, определяя меру свободомыслия, исходит из собственных ресурсных возможностей обеспечивать действия по нормализации ситуации, когда она выходит из-под контроля, определяет степень ответственности за негативные последствия популяризации радикальных идейных крайностей. Забегание вперед в обретении свобод, которыми общество не готово было конструктивно воспользоваться, могло привести к негативным последствиям – разрушению установившегося строя жизни общества.

Следует отметить, что ослабление государственного регулятивного воздействия на формирование исторических представлений нежелательно и сегодня, в связи с чем более востребованными в организации исследований прошлого являются подходы, обеспечивающие консолидацию общества. Кроме того, политически целесообразными выступают задачи формирования положительного образа государственности, её значения в сохранении стабильности и социальной солидарности в стране. В современных исследованиях подчеркивается, что не всякое общество способно выстроить государство, для этого необходимы определённые условия, прежде всего, складывание культурной и психологически однородной общности, существование «духа нации», общей системы ценностей, патриотизма. Вне такой общности возможен распад нации, её дробление на этнические фрагменты. Поэтому и сегодня важно средствами истории обеспечивать сохранение государства в контексте его значения как формы и способа антропологического бытия, выживания всего населения страны в условиях глобализационных рисков.

Список источников:

- Батыгин Г.С., Рассохина М.В. Семантический коллапс коммунизма. Дискурс о будущем в журнале «Новый мир», 1950-гг. // Человек. 2002. № 6. С. 61–77.
- Данилова Л.В. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44–80.
- Зудин А.Ю. Культура советского общества: логика политической трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 59–72.
- Каменский А.Б. Российские реформы: уроки истории // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 21–39.
- Кожурин В.С. Рецензия на книгу: Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого после сталинского десятилетия. М., 1997 // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 156–158.
- Козлов В.А. Крамола. Инакомыслие при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. // Отечественная история. 2003. № 4. С. 93–111.
- Мельников Ю.Н. Цикличность в истории России // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 103–107.
- Пыжиков А.В. Историческая наука в годы «оттепели» // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 6. С. 221–230.
- Пыжиков А.В. Проблема культа личности в годы хрущевской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 47–57.
- Савельев А.В. Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950–1970-х годов // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 109–121.
- Сидорова Л.А. «Шестидесятники» в исторической науке России. Рецензия на книгу: Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001 // Отечественная история. 2001. № 5. С. 195–197.
- Смыкалин А.С. Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967–1989 гг. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 30–40.
- Стыкалин А.С. Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 172–175.
- Шалаева С.С., Волкова М.Б. Модернизационные изменения теоретико-методологического изучения исторической науки конца XX начала XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-1 (54). С. 197–200.
- Шейнис В.Л. XX съезд КПСС: история и современность // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 114–116.
- Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. 685 с.
- Hofstadter R. The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y., 1968. 336 p.

References:

- Batygin, G. S. & Rassokhina, M. V. (2002) Semanticheskii kollaps kommunizma. Diskurs o budushchem v zhurnale «Novyi mir», 1950-gg. [The Semantic Collapse of Communism. Discourse on the Future in the New World Magazine, 1950s.]. *Chelovek*. (6), 61–77 (in Russian).
- Danilova, L. V. (2007) The Party Organisation of the Academic Institute of History in Ideological Confrontation to the CPSU Establishment, 1966–1968. *Voprosy istorii*. (12), 44–80 (in Russian).
- Hofstadter, R. (1968) The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. New York. 336 p.
- Kamenskii, A. B. (2006) Rossiiskie reformy: uroki istorii [Russian Reforms: History Lessons]. *Voprosy filosofii*. (6), 21–39 (in Russian).
- Kozhurin, V. S. (1998) Retsenziya na knigu: Sidorova L.A. Ottepel' v istoricheskoi nauke. Sovetskaya istoriografiya pervogo posle stalinskogo desyatletiya. M., 1997 [Book Review: Sidorova L.A. Thaw in Historical Science. Soviet Historiography of the First Post-Stalinist Decade. 1997]. *Voprosy istorii*. (10), 156–158 (in Russian).
- Kozlov, V. A. (2003) Sedition: the Heterodoxy in the USSR under Khrushchev and Brezhnev, 1953–82 (Unclassified Documents of the USSR Supreme Court and the Office of Public Prosecutor). *Domestic history*. (4), 93–111 (in Russian).
- Mel'nikov, Yu. N. (1997) Tsiklichnost' v istorii Rossii [Cyclicity in Russian History]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. (5), 103–107 (in Russian).
- Pyzhikov, A. V. (2002) Istoricheskaya nauka v gody «ottepeli» [Historical Science in the Thaw Years]. *Sotsial'no-gumantarnyye znaniya*. (6), 221–230 (in Russian).
- Pyzhikov, A. V. (2003) Problema kul'ta lichnosti v gody khrushchevskoi ottepeli [The Problem of the Cult of Personality During the Khrushchev Thaw]. *Voprosy istorii*. (4), 47–57 (in Russian).
- Savel'ev, A. V. (1998) Politicheskoe svoeobrazie dissidentskogo dvizheniya v SSSR 1950–1970-kh godov [The Political Identity of the Dissident Movement in the USSR of the 1950s and 1970s]. *Voprosy istorii*. (4), 109–121 (in Russian).

Shalaeva S.S., Volkova M.B. (2015) Modernization Changes of Theoretical and Methodological Studies of Historical Science of the End of the XX – the Beginning of the XXI Century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* (4-1 (54)), 197–200 (in Russian).

Sheinis, V. L. (2006) XX s"ezd KPSS: istoriya i sovremennost' [XX Congress of the CPSU: History and Modernity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (4), 114–116 (in Russian).

Shlezinger, A. M. (1992) *Tsikly amerikanskoi istorii* [Cycles of American History]. Moscow. 685 p. (in Russian).

Sidorova, L. A. (2001) «Shestidesyatniki» v istoricheskoi nauke Rossii. Retsenziya na knigu: Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Palgrave, 2001 [The "Sixties" in Russian Historical Scholarship. Book Review: Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956-1974. Palgrave, 2001.]. *Otechestvennaya istoriya.* (5), 195–197 (in Russian).

Smykalin, A. S. (2011) Ideologicheskii kontrol' i Pyatoe upravlenie KGB SSSR v 1967–1989 gg. [Ideological Control and the Fifth Directorate of the KGB of the USSR in 1967–1989]. *Voprosy istorii.* (8), 30–40 (in Russian).

Stykalin, A. S. (1998) Eshche raz o traktovke vengerskikh sobytii 1956 goda [Once Again about the Interpretation of the Hungarian Events of 1956]. *Voprosy istorii.* (10), 172–175 (in Russian).

Zudin, A. Yu. (1999) Kul'tura sovetskogo obshchestva: logika politicheskoi transformatsii [Culture of Soviet Society: the Logic of Political Transformation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (3), 59–72 (in Russian).

Информация об авторах

С.С. Шалаева – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Саратов, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.

Е.А. Колоярцева – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.

Information about the authors

S.S. Shalaeva – PhD in History, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.

E.A. Koloyartseva – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=476910.